

французского романиста, но и в настоящее время.

Сборнику предпослано предисловие Е. Штаерман. Автор анализирует преимущественно те из работ П. Преображенского, какие представляют особый интерес в социально-историческом плане. К сожалению, Е. Штаерман несколько недооценивает научное значение исследований П. Преображенского в области истории раннехристианской литературы, по внутренней последовательности и тонкости анализа превосходящих многое из написанного на эти темы после его смерти. Результаты исследований П. Преображенского очень близки к выводам новейшего антиковедения, рассматривающего древнехристианскую литературную традицию в рамках древнегреческой морально-философской и религиозной литературы, как одно из ее закономерных проявлений.

Не удержалась Е. Штаерман и от упрека в том, что П. Преображенский разделял преодоленную ныне (но обязательную во времена его литературной деятельности) формулу о социальной революции рабов, приведшей якобы к падению античного мира. Видимо, по этой же причине в сборник не была включена статья «Падение Древнего Рима», напечатанная в № 5—6 журнала «Борьба классов» за 1934 год.

К чести П. Преображенского следует сказать, что он был весьма далек от примитивного и прямолинейного истолкования рабских восстаний и других народных движений эпохи упадка Римской империи. Он всемерно подчеркивал культурный и социальный регресс, с которым было связано утверждение господства сармато-германских племен на территории империи. Во-первых, народные движения имели этнический характер, поскольку рабы из числа варваров, восставая против Рима, тем самым воссоединялись со своими соплеменниками, а во-вторых, форма эксплуатации, на которую их обрекал переход производительных сил в руки новых владельцев, отличалась некоторой архаичностью и мягкостью по сравнению с рабовладельческой системой Рима. Это и было, по мнению П. Преображенского, одной из главных причин народных движений, связанных с варваризацией империи (стр. 155 и сл.).

Нельзя не посетовать на редакцию сборника за то, что в этом — весьма своевременном и необходимом для прогресса исторической науки и истории литературы — издании отсутствуют указания на первоначальные публикации вошедших в него работ.

Л. ЕЛЬНИЦКИЙ

КОРОТКО О КНИГАХ

ЛИТЕРАТУРА «БОЛЬШАЯ» И «МАЛАЯ» *

«Шумное захоlustье» — несколько парадоксальное, на первый взгляд, словосочетание. Оно выгля-

дит явно полемически. И книга Ю. Оклянского в целом тоже получилась полемической, не потому только, что в ней оспариваются, отвергаются или уточняются интерпретации других исследователей, ка-

* Юрий Оклянский, Шумное захоlustье, Куйбышевское книжное изд-во, 1965, 235 стр.

сающиеся отдельных моментов биографии и раннего творчества Алексея Толстого. Книга Ю. Оклянского самым своим методом полемизирует с теми, до сих пор продолжающими появляться трудами по истории литературы, в которых частные закономерности выводятся из заранее заданных «интегральных моделей», а иногда и просто подгоняются под них. Автор «Шумного захолустья» идет от фактов и живых явлений. Безусловно, толчком для изысканий послужила неожиданная находка — неизвестные ранее письма А. Толстого, переписка его родителей, дневники его матери, писательницы Александры Бостром. Но Ю. Оклянский не ограничивается материалом находки, он продолжает поиски самостоятельно, добывая неизвестные или затерянные в потоке других событий факты, забытые произведения, имена людей, фотографии... И поиски дали свои плоды: провинциальная Самара конца прошлого и начала нынешнего века при ближайшем рассмотрении действительно оказалась довольно шумным захолустьем.

Процесс графа Н. Толстого, отца писателя, пытавшегося оружием вернуть домой непокорную жену... Будни хутора Сосновки, где прошло детство Алеша Толстого... Самарские интеллигентские сборища в доме «веселого праведника» Я. Тейтеля... На основе новых и полузабытых фактов, сопоставляя их с уже известными, Ю. Оклянский воссоздает историю семьи А. Толстого, ту атмосферу, в которой проходило его детство и юность. Но он не остается на уровне фактов самих по себе. Процесс графа Толстого имеет не только узкосемейное или провинциально-скандальное значение. Отсюда, от этой мрачноватой истории, берут

свое начало многие образы ранних вещей А. Толстого, его «дикие помещики» и светлые женские характеры, своеобразно продолжавшие образы тургеневских героинь. В письмах, которые маленький Алеша писал из Сосновки матери и отчиму, уже сказалась незаурядная, хотя вполне еще детская, наблюдательность. И эти ранние впечатления сыграли свою роль не только при создании «Детства Никиты», но и гораздо позже, когда в романе «Петр I» писатель как бы заново постигал и осваивал первозданную стихию русской народной речи. Многообразие же человеческих типов, взглядов, идей, проходивших через стихийно возникший «дискуссионный клуб» в самарском доме Я. Тейтеля, оказало воздействие не только на воззрения А. Бостром, матери писателя, но и на его собственные.

В истории «большой» русской литературы не осталось имени Александры Бостром. Мать А. Толстого была второразрядной писательницей. Но иногда трудно провести четкую грань между «малой» и «большой» литературой, поскольку первая подчас стимулирует вторую, оказывая на нее определенное воздействие. И не только тогда, когда между ними существует, так сказать, «личная» связь, как в данном случае. Ю. Оклянский пересматривает страницы творчества А. Бостром, отделяя бульварное чтиво от интересных физиологических очерков, выходящих из-под ее пера. Он пытается уловить в ее пестром наследии и определенную систему взглядов, отмечая поздненароднические тенденции, известный интерес А. Бостром к марксизму. При всем эстетическом и мировоззренческом эклектизме ей был свойствен твердый демократизм, ре-

шительное отрицание «мерзостей» российской действительности, что четко проявилось в ее письмах и дневниках, широко цитируемых в книге. Именно эти принципы мать старалась привить своему сыну, наряду с трепетным и «святым» отношением к писательскому призванию.

Книга Ю. Оклянского интересна еще и тем, что в ней большое внимание уделяется личностям «героев», своеобразию их характеров, причем это не заслоняет общественно значительного в них. Здесь автор далеко отходит от вульгаризаторских трактовок «живых объектов», которые еще, к сожалению, встречаются в некоторых литературоведческих исследованиях, воссоздающих «предмет исследования» лишь как схематичных «носителей» и «представителей». В «Шумном захолустье» мы видим Александру Бостром женщиной незаурядной и яркой, глубокой и сильной индивидуальностью. Именно такая

мать и смогла раньше других увидеть в своем сыне будущего писателя.

Однако при всех очевидных достоинствах «Шумное захолустье» подчас грешит тем, что можно назвать склонностью к констатирующим обобщениям — к таким выводам, которые, собственно, никуда не ведут. Да, хутор, изображенный в «Детстве Никиты», это все же не реальная Сосновка, где жил Алеша Толстой... Да, есть некоторые совпадения в произведениях матери и сына, но сын все же пишет лучше... Да, это так. А что же дальше?

Автор «Шумного захолустья», конечно, не литературовед-теоретик, да на такую роль он, по-видимому, и не претендует. Он заявил о себе как литературовед-искатель, умело воссоздавший неизвестные или забытые страницы как «малой», так и «большой» истории литературы.

3. ФИНИЦКАЯ

СЛОВАРИ ПИСАТЕЛЕЙ

В последние годы оживилась разработка проблем, связанных с изучением литературы на местах, что не могло не отразиться и на состоянии краеведческой литературной библиографии, которая пополнилась рядом значительных работ¹. Широкое распространение получает тип библиографического словаря. Эту тенденцию подтверждает и библиографическая практика последних двух лет².

¹ Обзор основных краеведческих библиографий дан в кн.: Н. Ф. Бельчиков, Пути и навыки литературоведческого труда, «Наука», М. 1965, стр. 112—116.

² За это время были изданы лишь четыре персональных указателя: «Савва Елизарович Кожевников», Новосибирск, 1964; «Народный поэт Карелии Ялмари Виртанен», Петрозаводск, 1964; «Алим Пшемахович Кешоков», Нальчик, 1964; «В. Т. Чисталев», Сыктывкар, 1964.

В 1964—1965 годах изданы библиографические словари и указатели: «Калининские писатели», «Писатели Ленинграда», «Чувашские писатели», «Писатели Среднего Урала», «Писатели Кабардино-Балкарии», «Краеведы и литераторы Забайкалья», «Писатели Адыгеи»¹.

¹ «Калининские писатели. Библиографический справочник». Сост. Н. А. Фадеева, Калинин, 1964, 187 стр.

«Писатели Ленинграда. Библиографический указатель». Сост. В. М. Абрамкин и А. Н. Лурье, Лениздат, Л. 1964, 364 стр.

«Чувашские писатели. Библиографический справочник». Сост. М. И. Юрьев, Чебоксары, 1964, 326 стр.

«Писатели Среднего Урала. Библиографический справочник. Сост. В. Т. Анашкина, Свердловск, 1965, 202 стр.

«Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический указатель». Сост. Е. С. Темботова, А. Г. Созаева, Т. Б. Нагаева, Нальчик, 1965, 135 стр.

Петряев Е. Д., Краеведы и литера-